

Ирлан Хугаев

СОБРАНИЕ ШЕДЕВРОВ

(Досуние пассажи)

МЫСЛЬ

Человек устроен неимоверно сложно: это система самых разных систем – опорно-двигательной, пищеварительной, кровеносной, нервной... Костяк скрежещет, мышцы гудят, сердце стучит, гонит по венам кровь, легкие питают ее кислородом, печень ее цедит, в желудке, как в реторте, бурлит кислота; тончайшие провода непрерывно струят соки и токи; каждая клетка этой суперсистемы живет своей серьезной, деловой жизнью, согласуясь с нуждами целого организма... Для чего эта сложность? Каков самый ценный продукт этой жизнедеятельности? В чем ее главный, высший смысл? – в мысли. юл По отношению к чистой и красивой мысли вся эта бурная вещественная жизнь, при всей ее сложности и слаженности, представляется грубым машинным трюмом парохода, на пустынной палубе которого стоит летней ночью поэт, курит папиросу и любуется звездным небом.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Бог говорит с нами на языке жизненных обстоятельств. И при этом каждый из нас выступает жизненным обстоятельством для каждого другого. В каждом предложении, сказанном на этом языке, есть личное послание к каждому из нас, и каждый из нас есть и обстоятельство, и сказуемое, и подлежащее. Как же сложен и точен этот божественный язык!

ВЕЧНОСТЬ

Мы мечтаем о вечности. Но что мы будем с нею делать? Вечность была бы для нас безысходной мукой: кто пожелал бы вечно помнить о своих смертных грехах! В конце концов, не потому ли мы смертны, что все заслуживаем смерти?... Смерть – величайшая милость для смертного. Только бессмертный достоин бессмертия.

СОБРАНИЕ ШЕДЕВРОВ

Ничто так не утомляет наши чувства, как собрание шедевров. Уже два шедевра рядом, будь они разного рода и жанра, производят впечатление досадной тавтологии. Шедевры нельзя помещать в одной книге или в одном выставочном зале; шедевр нужен простор. Пусть его окружение составят сравнительно скромные, без явной печати гения, вещи, как свита при господине; но два господина рядом – это всегда коллизия. Сборник стихов, состоящий из высших достижений мировой поэзии, будет похож на грамматическую парадигму одной и той же идеи. Все шедевры говорят об одном и том же, ибо все тяготеют к совершенству, к вершине. Что ни говори, от шедевров тоже нужен отдых; нельзя подолгу оставаться на сияющем пике Победы, обдуваемом ледяными ветрами, без риска ослепнуть и задохнуться от восторга. Даже в отдельной сонате Бетховена есть слабые и сильные фразы; на слабых, которые необходимы как связки, отступления и примечания, мы отдыхаем, – и набираем духу в предчувствии сильных, ошеломляющих открытий.

ЯБЛОКО И ЯБЛОНЯ

Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Верно, но, если яблоня растет на пригорке, яблоко может далеко укатиться. Куда как крепче яблоня привязана к яблоку, чем яблоко к яблоне: где яблоко ляжет, там яблоня и прорастет.

ДУША

Еще никто не доказал существование души. А между тем, при всех оговорках и уточнениях, мы, верно, все согласны в том, что само мышление есть душевная деятельность. Стало быть, не человек не может доказать существование души, а душа не может доказать собственное существование. И кому доказать? – самой себе: «Как же меня нет? – возмущается душа. – Я есть; вот же я!» – И сама же себе отвечает: «Предъявите, пожалуйста, документы».

БЕЛОМОРКАНАЛ

Я курю папиросы. По утрам, едва проснувшись, я уже предвкушаю мое изысканное наслаждение. Но я не спешу. Сначала я варю себе кофе, черный, без сахара, ибо сахар несовместим с табаком, выпиваю подряд две чашки, глядя в окно на спящий двор, – и только потом сажусь и раскрываю портсигар. Я медленно перебираю папиросы пальцами, трогаю их торцы: первая по пробуждении папироса должна быть достаточно плотной и, по возможности, без сучков и задоринок. Выбрав папиросу, я некоторое время нюхаю ее, как цветок... Сигареты пахнут конвейером, а папиросы – табачным полем; сигареты все похожи одна на другую, а каждая папироса неповторима, – и каждая заключает в себе волнующую загадку. Когда ты зажигаешь папиросу, ты не знаешь, что тебя ждет; даже каждая затяжка особенна, поскольку грубая начинка папиросы неоднородна: ты вдыхаешь дым то нежного листа, то горького, крутого стебля, то того и другого вместе, в случайной пропорции. Первую папиросу следует курить, как сигару: отпускать часть дыма на свободу, не вдыхая, чтобы обонять его со стороны и читать его прихотливые арабески. Тогда возникают неожиданные, спонтанные ассоциации. Позавчера я явственно ощущал во рту вкус арбуза, накануне слышал запах хлеба, который пекла в селе бабушка, а сегодня я встречаю день в сосновом лесу, греясь у костра из хвойного валежника, разложенного прямо на снегу. Папироса – мой костерок, меня одного согревающий; я истинно огнепоклонник. Прозелит, глотая дым сигареты, радуется головокружению, но это низшая форма удовольствия, доставляемого табаком. У опытного и благодарного курильщика, как от тихой и тайной радости, набухает от табака сердце, стук его становится медлительно-тяжким и властным, кровь приливает к вискам, и легкие раскрываются, как паруса на ровном теплом ветру; бурая табачная копоть играет на его языке всеми цветами радуги, и он умиротворенно облилизывает слегка занемевшие, как бы припухшие губы... Правда, это бывает только раз в сутки, и только первую папиросу я курю по страсти, а все последующие – со скуки или от тоски. Курить надо лишь одну папиросу в день, на заре. А еще лучше – совсем не курить.

ДЕНЬ

Что такое день, как не малая жизнь? Пробуждение сродни рождению, утро – детству, день – зрелости, вечер – старости, засыпание – смерти, а самый сон – небытию, целой вечности беспамятства, вполне достаточной для того, чтобы набраться сил к очередному испытанию. Не оправдывая своих ошибок тем, что ты прожил долгую жизнь, и потому в ней было всякое. От тебя ждали не века, а всего лишь одного дня честной жизни, а каждый

новый день давался тебе как еще один шанс. Вот как Бог верил в тебя! Куда как больше, чем ты в него.

ХАЛВА

Говорят, сколько ни повторяй: «халва, халва», — во рту слаще не станет. Неправда. Это сформулировали гастрономы. Если бы это было так, — были бы невозможны стихи и молитвы. Не для того ли существует язык, чтобы мы обладали тем, чего лишены? Когда я повторяю имя любимой, я снова целую ее уста.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Когда мы прикасаемся к какой-либо вещи, мы осязаем не самую вещь, а только магнитное поле частиц ее поверхности. Осязание столь же условно и эфемерно, как любое другое чувство. Даже обнимая и целуя женщину, мужчина не вступает с нею в непосредственный контакт: клетки их кожи остаются, в масштабе микрокосма, бесконечно далеки друг от друга. А там, где невозможна близость, что уже говорить о прикосновении!.. Есть только один способ настоящей встречи; но там уже нет и прикосновения: там происходит слияние и возникает единство — и рождается новый человек. В этом мире встречаются только муж с женой; только они кладут конец одиночеству, сокрушив разделявшую их толщу косного вещества.

ПОЭТИКА БОРЬБЫ

Есть борьба классическая, а есть вольная. Первая зародилась в античном мире и не зря называется еще греко-римской. По правилам этой борьбы запрещено хватать соперника ниже талии: это поединок высокого стиля. Такой поединок напоминает схватку медведей, вставших на задние лапы. Вольная борьба, зародившаяся в Новое время, отменяет принципы классицизма: здесь можно атаковать и таз, и ноги. Поэтому стойка у вольников низкая; поединок более динамичен и отличается обилием действий в партере; он подобен битве двух барсов. Есть борьба классическая, а есть — романтическая.

ДИАЛЕКТИКА БОКСА

Любой вид состязания может служить аллегорией единства и борьбы противоположностей, но особенно это относится к боксу. Находясь в ринге, боксеры с необходимостью сближаются, чтобы нанести удар, а, сближившись, они с необходимостью расходятся, чтобы избежать удара; каждый из них жизненно необходим и смертельно опасен для другого; они не могут существовать друг без друга, но они не могут существовать и друг с другом; они и преследуют друг друга, и избегают друг друга. Бой продолжается, пока соперники балансируют на оптимальной от себя дистанции, на тонкой границе между полем отталкивания и полем притяжения; когда же в силу какого-либо технического сбоя баланс бывает потерян, — случается клинч: они сваливаются один на другого и держатся друг за друга так крепко, словно каждый ищет в другом, во внезапном приступе покаяния, спасения от себя самого, от собственного буйного нрава. Сами они ни за что не разойдутся. Только рефери способен разомкнуть эти братские объятия.

ЭТИКА ММА

Когда, под неистовое ликование толпы, один садится другому на грудь верхом и молотит его лицо кулаками, это совсем не красиво. Это совсем не искусство, даже не боевое. Они говорят: ничего личного, таковы правила, нам просто нужна победа. Но посмотрите на лицо того,

что сверху: оно вовсе не бесстрастно, оно перекошено яростью. На что эта ярость обращена?.. В быту, вне арены, этот гладиатор может казаться сколь угодно милым малым, но я не хотел бы даже его заступничества. Смешанные единоборства — это помешанное детище постмодерна — манифестируют этику подворотни — неуважение к лицу человека. Лицо неприкосновенно. Лицо происходит от лика. И ликованье тоже.

СЛОМАННЫЕ ЧАСЫ

Говорят, сломанные часы дважды в сутки показывают верное время. Верное, но бесполезное наблюдение. Ведь, чтобы такие часыгодились, на них следовало бы смотреть, не отрываясь, целые сутки. Но и этого было бы мало: как бы мы узнали, в какой именно момент они показывают верное время, не имея мы под рукой другие, исправные часы? А если у нас есть исправные, для чего нам глядеть на сломанные, если только они не напоминают нам о том, что неподвластно времени?.. Сломанные часы показывают вечность.

ВЕРХ НЕБЛАГОДАРНОСТИ

Человек может месяц не есть, день не пить, а не дышать не может ни минуты. Нет ничего мучительнее, чем остаться без воздуха. По сравнению с такой мукой любая пытка кажется мелкой неприятностью. И этого-то добра у нас целый океан над головой. Воздушный океан: какой прекрасный образ, какой щедрый дар! Мы плаваем в океане счастья, как маленькие рыбки, — и все жалуемся, что нет в мире счастья. Истинно, верх неблагодарности.

ДОБРО И ЗЛО

Как соотносятся добро и зло? Как день и ночь? Как инь и янь? Как полосы на шкуре зебры?.. Зло — отдельные темные тучки в бескрайней лазури летнего дня. Горный ветер гонит их прочь.

ТВОЯ ПЛАНЕТА

Напрасно ищут счастья на чужбине. Родина — твоя планета; родное племя — твоё человечество; история рода — твоё священное предание; отец и мать — твои боги, под райской сенью которых ты вырос. Не изменяй им. Если кто не найдет себе места на родине, он не найдет его и на всей земле. В этом состоит и практический смысл остракизма.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО

Прекрасное, как превосходная степень красивого, не может относиться только к форме. Прекрасное возникает там, где красота соединяется с душой и мыслью; прекрасна только живая красота. Ваза не может быть прекрасной, как бы она ни была красива. Ваза — всего лишь изящный горшок. А цветок — может; цветок всегда прекрасен, даже самый неказистый. Как цветок, прекрасна и женщина, если она, при своей красоте, еще и скромна и невинна, как цветок. Не красота спасет мир, а то, что ее превосходит; красота его только погубит. Будь Елена прекрасна, не сгорела бы Троя. Елена была всего лишь красива, но демон тоже бывает красив; прекрасен лишь ангел. Красивые еще более украшают себя, мня стать прекрасными, но тщетно; прекрасные не хотят украшений, но их еще более украшает Бог. А посмотри-те на наших женщин: при прежней, трудной и аскетичной, жизни было мало красивых, но те, что были красивы, часто бывали прекрасны. Теперь же много красивых, а прекрасные — редкость.

(Продолжение следует).